

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРЕДКАХ

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать, Екатерина Андреевна Фадеева, — дочь члена главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда князь Воронцов был новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом. Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, — она ныне живет в Одессе. Сын же деда — генерал Фадеев — был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министр внутренних дел того времени Перовский командировал в Саратовскую губернию моего отца, дворянина Витте, как специалиста по сельскому хозяйству. Там отец влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой

окончил курс в Дерптском университете; затем изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором департамента земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых годах, т. е. ему было немногим более 50 лет.

Старшая дочь, Ган («Зинаида Р.»), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, — Блавацкая; младшая же дочь — известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, — Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожной личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Теперь я остановлюсь несколько на личности Блавацкой, как весьма прогремевшей одно время теофизитке и писательнице. Я помню, что когда я познакомился в Москве с Катковым, он заговорил со мной о моей двоюродной сестре Блавацкой, которую он лично не знал, но перед талантом которой преклонялся, почитая ее совершенно выдающимся человеком. В то время в его журнале «Русский вестник» печатались известные рассказы Блавацкой «В делях Индостана», и он был очень удивлен, когда я высказал мое мнение, что Блавацкую нельзя принимать всерьез, хотя, несомненно, в ней был какой-то сверхъестественный талант. Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блавацкая вышла замуж за Блавацкого, эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блавацкую в то время не помню, но, по рассказам домашних, я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и переехала из Эривани в Тифлис к деду. В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал громадный дом, недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как жилали в преж-

нее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, — я помню отлично даже эту цифру, — громадное большинство этой дворни были крепостные Долгорукой... Когда Блавацкая появилась в доме Фадеевых, то мой дед считал прежде всего необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блавацкой совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека — дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки, Блавацкая была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предположили далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блавацкая снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, они своей барыни не нашли; Блавацкая в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» — оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда — Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, эриванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени, и мой дед и бабушка, Фадеевы, вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известнейшего спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма. Затем из газет семейство Фадеевых

узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершей хора, который содержал при себе сербский король Милап. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем — Блавацким. И вот хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне расплелась и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлиское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев — все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее втайне от главы семейства — моего деда, а также и от моей бабушки — Фадеевых; ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельдмаршала Барятинского были граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, — это были молодые люди из петербургской гвардейской jeunesse dorée *); я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было делаемо весьма искусно: так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял. Теперь, как кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также

*) Золотой молодежи. — Ред.

и у нас в России относится как к шарлатанству; тогда же этим очень увлекались, и Юм, который был, конечно, точно так же не что иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком, а Блавацкая, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала от него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т. е. неврастеническое верование в проявления в различных формах и в различных признаках умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блавацкая начала сходиться с мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блавацкая вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрала с Кавказа. Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блавацкая, и, несмотря на то что Митровичу в то время уже было, вероятно, под 60 лет, он тем не менее отлично пел в Киеве в русских операх, например, в «Жизни за царя», «Русалке» и пр., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством несомненно талантливой Блавацкой. В это время в Киеве генерал-губернатором был князь Дундуков-Корсаков. Этот Дундуков-Корсаков знал Блавацкую еще в молодости, раньше чем она вышла замуж за Блавацкого, потому что в то время он командовал на Кавказе (где жила и Блавацкая) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блавацкой и Дундуковым-Корсаковым — генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились

наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блавацкой. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блавацкой должны были оставить Киев и появились в Одессе. В это время в Одессе уже проживала моя мать со своей сестрой и детьми, в том числе и мною (мой дед, бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блавацкой, и, действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блавацкая с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вот вдруг Блавацкая сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т. е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громадным талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теории музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе, — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимо-

му, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда, — поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказав попросту, что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым, добрым человеком. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небывалицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут высидеть до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни, и так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блавацкую, если бы он с нею сталкивался. Но, насколько у Блавацкой был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Индостана», которые печатались в его журнале, — рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем, мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе Блавацкой, после того как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каир, куда он и отправился вместе с Блавацкой. Отношение его к Блавацкой было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большей частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в

море, при помощи других пассажиров спас Блавацкую, но сам потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша. Как она выбралась оттуда — я не знаю. Но затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и для вящего подкрепления начал этого общества она отправилась в Индию, где изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В дебрях Индостана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много адептов и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и была там главой всех теофизитов. Вскоре она заболела и умерла. Но теософическое учение осталось в различных частях света; еще в настоящее время во многих местах имеются теософические общества и еще недавно в Петербурге издавался теософический журнал¹. В конце концов если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни².

Вторая дочь «Зинаиды Р.», Вера Петровна Желиховская, благодаря своим книгам хорошо известна в Петербурге и вообще в больших российских городах; по крайней мере матери постоянно говорят мне о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь больше нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал. Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, переехала с детьми в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя

тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии, Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особому роду дворянского или, вернее, боярского чванства 60—70-х годов, конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мои отец и мать начали принимать Желиховских. У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых первый — полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца-публициста Джонсона. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две другие дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Относительно семейства В и т е я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянином Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его, голландцы, приехали в балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а лучшим смысле этого слова — истинно православная, — что, конечно, несмотря на ни какую влюбленность моей матери в молодого Вите, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьею Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий — я, Сергей, а также две дочери, которые были моложе меня, — Ольга и Софья.

¹ Вероятно, имеется в виду журнал «Вестник теософии», издававшийся в Петербурге в 1908—1917 гг. последователями Е. П. Блаватской (Блавацкой).

² Е. П. Блаватская (Блавацкая), литературный псевдоним Радда-Бай, — двоюродная сестра С. Ю. Витте, родилась в 1831 г. в Екатеринославе и воспитывалась в семье Фадеевых. Детские впечатления Витте о Блаватской относятся к тому периоду, когда она вернулась в Россию после десятилетних скитаний за границей. После нескольких лет, проведенных в России, Блаватская вторично уехала за границу. В 1873 г. Блаватская поселилась в Нью-Йорке и приняла американское гражданство. Здесь в ноябре 1875 г. она создала Теософическое общество, президентом которого стал сподвижник Блаватской американский полковник Генри Стил Олькот. В этот период своей деятельности Блаватская занималась пропагандой теософического религиозно-мистического учения, основанного на примирении религии с наукой и проповедующего «откровения» как источник «богопознания». В целях пропаганды своего учения Олькот и Блаватская выезжали в Индию и издавали там газету «Теософист». После возвращения в 1883 г. в Европу Блаватская до 1886 г. жила в Париже, а затем в Лондоне, где создала главное отделение Теософического общества. Умерла в Лондоне в 1892 г.

³ «Вооруженные силы России», М., 1868 (см. комментарий 7); «Русское общество в настоящем и будущем» («Чем нам быть?»), СПб., 1874 (см. комментарий 11); «Мнения о «Восточном вопросе»», СПб., 1870 (см. комментарий 9).

⁴ Подробно излагая карьеру Р. А. Фадеева, Витте, по-видимому, поощастил фамильные верноподданнические традиции и «забыл» упомянуть о том, что молодой Фадеев был выслан из Петербурга в Екатеринослав начальником III Отделения Дубельтом «за неподобающую болтовню». Хотя повод к ссылке был случайным и во всяком случае не свидетельствовал о наличии у Фадеева революционных взглядов, он все же провел в ссылке около двух лет.

⁵ Религиозность Фадеева тесно связана с его реакционно-националистическими и панславистскими идеями. Отсюда и увле-

Витте Сергей Юльевич
ВОСПОМИНАНИЯ
Том 1

Редактор *В. Готовицкая*

Художник *Е. Коган*
Художественный редактор *В. Кузяков*
Технический редактор *О. Чепелева*
Корректор *Г. Ефимова*

Сдано в набор 15 марта 1960 г. Подписано в
печатать 31 августа 1960 г. Формат бумаги
84×108^{1/2}. Бумажных листов 9,94. Печатных
листов 32,6. Учетно-издательских листов 38,58.
Тираж 75000 экз. А04381. Цена 10 р. 40 к.
С 1.1.1961 г. цена 1 р. 05 к.

Издательство социально-экономической
литературы

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевая, 28.
Заказ 322.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Страница	Напечатано	Следует читать
556 (выходные сведения)	С 1.1.1961 г. цена 1 р. 05 к.	С 1.1.1961 г. цена 1 р. 04 к.

Зак. 202/322